

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-105-110

Александр Николаевич Пирожников
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

*Главное управление МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52*

Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации

Аннотация: Сформировавшаяся к сегодняшнему дню карательная система противодействия преступности согласно общепризнанной позиции является устаревшей, не отвечающей современным вызовам и в целом условиям реальной действительности. В сложившихся условиях иные меры уголовно-правового характера способны оказать дополнительный эффект на лиц, виновных в совершении преступления, хотя и не карательного, но тем не менее, крайне важного свойства. Данное направление развития уголовно-правового воздействия считается приоритетным, при этом достаточно сложным и крайне слабо проработанным с теоретической точки зрения. Особенно это касается направленности такого воздействия в зависимости от таких категорий, как, например, личность преступника или направленность совершённого преступления (против личности, основ конституционного строя и т.д.). К сожалению, следует констатировать, что отечественный законодатель пока что не обращает внимания ни на один из факторов, воздействуя на который, можно было бы получить реализацию принципа индивидуализации ответственности. Отсюда сама идея иного воздействия пока что носит максимально общий характер, а сами меры не находят соответствующего места в Уголовном кодексе Российской Федерации, имея схоластический характер своего происхождения и расположения в законе.

Ключевые слова: ответственность, иное воздействие, наказание, иные меры уголовно-правового характера, преступление

Для цитирования: Пирожников А. Н. Правовая природа иных мер уголовно-правового характера, связанных с ограничением прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 105-110; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-105-110.

Alexander N. Pirozhnikov
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

*The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region
50/52, st. Suvorovsky ave., St. Petersburg, 191015, Russian Federation*

Legal nature of other measures of the criminal legal character related to the limitation of the rights of persons committing crimes against the interests of the Russian Federation

Abstract: The punitive system of combating crime that has been formed to date, according to the generally recognized position, is outdated, does not meet modern challenges and, in general, the conditions of reality. In the current conditions, other measures of a criminal law nature can have an additional effect on

the perpetrators of a crime, although not punitive, but nevertheless, of an extremely important nature. This direction of development of criminal law influence is considered a priority, while it is quite complex and extremely poorly developed from a theoretical point of view. This is especially true of the direction of such influence, depending on such categories as, for example, the personality of the offender or the direction of the crime committed (against the person, the foundations of the constitutional system, etc.). Unfortunately, it should be stated that the domestic legislator has not yet paid any attention to any of the factors that could be influenced by the implementation of the principle of individualization of responsibility. From here, the very idea of a different impact so far is of the most general nature, and the measures themselves do not find an appropriate place in the Criminal Code of the Russian Federation, having the scholastic nature of their origin and location in the law.

Keywords: responsibility, other impact, punishment, other measures of a criminal law nature, crime.

For citation: Pirozhnikov A. N. Legal nature of other criminal law measures related to the restriction of the rights of persons committing crimes against the interests of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3 (95). – P. 105-110; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-105-110.

Иное воздействие на лиц, совершивших преступление, в уголовно-правовой доктрине традиционно оценивается как абсолютно необходимое дополнение к наказанию, вполне при этом способное оказать больший эффект, чем сама кара. В этом отношении иные меры встречают серьёзную поддержку и у законодателя. Что характерно, такая поддержка находит соответствующее последовательное подтверждение как в историческом контексте рассмотрения данного вопроса, так и на современном этапе в различных правовых семьях на всём геополитическом пространстве. Вся совокупность тех средств уголовно-правового противодействия преступности, которая сегодня существует в законодательствах стран, их применяющих, имеет значительное многообразие, отличаясь часто по своим качественным и количественным признакам, функциональной и видовой принадлежности, объёму воздействия на осуждённого, а также компенсационному эффекту применительно к потерпевшему, и другим критериям, но при этом не отличающаяся по своей сути. Это всегда иное воздействие, находящееся за пределами таких категорий, как кара или возмездие, типичных для наказания, но всегда сосуществующее с таковым, нередко обеспечивая реализацию идей социального, воспитательного, медицинского, ограничительного, контролирующего и др. свойства.

Так называемое «удобство» такого воздействия заключается в неопределённости возможного объёма тех средств, которые можно применить к осуждённому, а также особенностей направлений его реализации, которые в любой момент (не будучи скованными карательной функцией) могут быть развёрнуты в любом из них, в зависимости от потребностей общества, в том числе, и возникших спонтанно (например, в условиях экстремальной обстановки, военного времени, иного рода угроз как внутреннего, так и внешнего характера и т. д.). Именно трансформация общественных отношений выступает в качестве движущей силы, обуславливающей фактор развития иных средств уголовно-правового противодействия преступности. Наказа-

ние, при всей его важности и значимости для реализации охранительной функции уголовного права, тем не менее остаётся более жёсткой и, соответственно, стабильной конструкцией. По крайней мере, в плане его качественной характеристики. Выполняя строго определённую роль, наказание невозможно переориентировать по своей сути, точно так же, как правовая природа иных мер способствует чуткому реагированию на те изменения, которые происходят в общественных отношениях.

Одним из таких направлений реагирования в условиях сложившейся геополитической обстановки в мире, внутривнутриполитической ситуации в стране, особенностей экономической реструктуризации общественных отношений, информационного противоборства и прочих факторов, способствующих подрыву основ государственности, является создание системы (или отдельных видов) иных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против Российской Федерации. Соответственно, вопрос об особой правовой природе происхождения именно данных мер, с учётом уже накопленного доктринального знания об иных мерах уголовно-правового воздействия в целом, а также их интегрированности в механизм уголовно-правового воздействия, представляет собой безусловный научный интерес, имея соответствующий потенциал для реализации в отечественном уголовном законодательстве.

В современной юридической литературе отмечается, что правовая природа происхождения иного воздействия в уголовном праве крайне неоднозначна [13]. Во многом такая неоднозначность связана с отсутствием внятного определения функциональной принадлежности данного средства воздействия на лицо, совершившее преступление. Сегодня ни в доктрине, ни в уголовном законе нет даже минимального представления о критериях разграничения наказания и иных мер уголовно-правового характера, и уж тем более какого-либо представления относительно разделения по каким-либо признакам самих мер между собой. Собственно,

подтверждение данного тезиса хорошо видно в УК РФ, а также в активной деятельности законодателя по его совершенствованию в этом направлении в последнее десятилетие. Появляющиеся при этом новые средства иного влияния на виновных лиц никак не связаны друг с другом, не взаимодействуют с наказанием, имеют свои причины разработки и включения в УК РФ, оставаясь, по сути, обособленными средствами иного воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Правовая природа всего института, не говоря уже о каждой из вновь появляющихся мер, сегодня не просто не определены, а в целом остаются без соответствующего анализа.

Следует при этом отметить, что в современной юридической литературе некоторые, и далеко небезуспешные, попытки разделения всех мер иного воздействия по реализуемым ими функциям предпринимаются. Так, К. Н. Карпов разделяет их на меры безопасности, стимулирующие (поощряющие) правомерное постпреступное поведение, и восстановительные, при нарушении экономических правоотношений. М. В. Бавсун указывает на иные меры уголовно-правового характера и меры безопасности, принципиально отделяя одни от других именно по тем функциям, которые они способны выполнять по отношению к общественным отношениям, в которых существуют, и формирование которых происходит в том числе посредством их реализации¹. Л. В. Иногамова-Хегай вообще все иные меры уголовно-правового характера разделяет на те, которые применяются в результате совершения преступлений, и те, которые реализуются в случае совершения деяний иного рода, не относящихся к категории общественно опасных [4]. Более того, ряд специалистов как раз по данному признаку все средства иного воздействия делят на (помимо указанных сейчас в уголовном законе): условное осуждение, судимость, отсрочку отбывания наказания беременным женщинам или женщинам, имеющим малолетних детей [10], и даже дополнительные виды наказаний, которые могут применяться по усмотрению суда независимо от того, определены они или нет в санкции за конкретное преступление [7], или отдельные средства административного надзора [3, с. 127]. Таким образом, функциональная принадлежность иных мер уголовно-правового характера выступает в качестве одного из дискуссионных факторов, не имеющего пока чёткого осмысления в отечественной уголовно-правовой доктрине. В этой дискуссии, безусловно, должна найти свое место и идея выделения самостоятельной группы иных мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации.

Более того, данный признак выступает в качестве одного из мотивирующих для отече-

ственного законодателя в современных условиях. Не останавливаясь пока на видовых особенностях конкретных мер, важно отметить, что выделение самостоятельной группы иных мер уголовно-правового характера в первую очередь основывается на тех функциях, которые они способны будут реализовывать, тем самым отличаясь и от других средств противодействия преступности. Вопрос – для чего они нужны, является определяющим в каждом из случаев разработки конкретных средств уголовно-правового воздействия на лиц, виновных в совершении преступления.

В этом отношении достаточно интересным представляется ответ на вопрос, который был задан судьям. Так, из 93 опрошенных респондентов² на вопрос «Какую роль Вы отводите иным мерам уголовно-правового характера в случае их назначения (применения) лицу виновному в совершении преступления?», 75 отметили, что это напрямую зависит от того, какая именно мера и в каком конкретном случае она применяется. При этом в отдельных комментариях к своему ответу ещё 41 человек указали, что видовая принадлежность иной меры уголовно-правового характера напрямую определяет и её значение в исправлении осуждённого, а также в общем объёме репрессии, реализуемом государством. Оставшаяся часть специалистов (18) отметили, что иные меры уголовно-правового характера являются дополнением к наказанию, не неся самостоятельной функциональной нагрузки. В данном случае часть респондентов (9) также указали на отсутствие в уголовном законе отдельно выделенных целей иных мер уголовно-правового характера, отсутствие какого-либо упоминания о них в общих началах назначения наказания, и в целом неопределённость их статуса в уголовном законе.

Следует отметить, что, несмотря на имеющееся разделение позиций по обозначенному вопросу, тем не менее доминирующей среди специалистов всё-таки остается точка зрения, согласно которой функциональная (целевая) принадлежность каждой из мер выступает в качестве главной при решении вопроса о потенциальном исправлении виновного в совершении преступления. Невзирая на имеющиеся недоработки законодателя в части определения статуса данных мер, их фактическое существование и применение не позволяет избежать постановки вопроса относительно их правовой природы, одним из критериев определения которой выступает именно данный критерий.

Пожалуй, уже один только этот аргумент вынуждает современных исследователей ставить вопрос о необходимости формулирования в тексте уголовного закона самостоятельных целей иных мер уголовно-правового характера, одновременно интегрируя их в механизм реали-

¹ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бавсун Максим Викторович. – Омск, 2013. – 396 с.

² Анкетирование специалистов проводилось в период с 2020 по 2022 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также в городах Псков, Выборг, Петрозаводск. Всего были опрошены 93 специалиста.

зации наказания (или в целом системы уголовно-правового воздействия) [2]. И в этом отношении абсолютно прав, по нашему мнению, А. С. Пунигов, отмечающий, что такие меры должны отражать индивидуальность уголовно-правового значения. Под этим он понимает независимость уголовно-правовых мер в применении друг от друга, их отличительность по характеру и содержанию, а также различие правовых последствий их применения [12, с. 21]. Вторят ему в этом отношении и другие авторы, в частности отмечая, что иные меры уголовно-правового характера «...обладают индивидуальным, оригинальным набором ограничений прав и свобод» [5, с. 27]. При этом коллектив авторов делает оговорку, согласно которой основанием применения таких мер является общественно опасное деяние. Полностью соглашаясь с учёными, тем не менее полагаем, что данный тезис должен быть дополнен не только правоприменительным, но и законотворческим аспектом, то есть речь должна идти о влиянии функциональной принадлежности иной меры не только в ходе её практической реализации, но и на более ранней стадии, установления её законодательных критериев на уровне правовой регламентации.

Собственно, именно данный признак (с соответствующим представлением о сфере приложения самой меры и возможном положительном эффекте от её реализации) и должен являться основополагающим в ходе принятия решения о необходимости его включения в УК РФ и последующего применения. И в этом отношении ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, как явление (вне зависимости от конкретной формы выражения непосредственно в тексте) не может вызывать каких-либо вопросов.

Надо сказать, что ужесточение позиции государства по отношению к данной категории лиц находит поддержку и среди граждан. Так, в ходе проведенного в рамках настоящего исследования опроса 250 граждан, которым был задан единственный вопрос: «Как Вы считаете, в условиях современной геополитической обстановки требуется ли ужесточение карательного воздействия в отношении лиц, совершающих преступления или административные правонарушения против Российской Федерации?», были получены достаточно категоричные результаты. За дополнительное воздействие в отношении такой категории виновных высказалось 199 респондентов, еще 32 человека полагают такое ужесточение излишним, оставшиеся 19 опрошенных не имеют своей позиции по данному вопросу².

Что важно, этот же вопрос был задан уже другой категории респондентов – судьям, чья деятельность напрямую связана с реализацией уголовной политики государства, а их квалификация и объём знаний позволяют отвечать

в том числе и на этот вопрос на несколько ином уровне. Между тем итог если и отличается от данных, полученных в ходе опроса предыдущей категории респондентов, то немного. Из 93 специалистов, которым был задан этот вопрос, 76 указали на своевременность введения такой меры в действующее уголовное, а возможно, и в уголовно-процессуальное законодательство. Ещё 15 высказались против, лишь два респондента отметили, что не имеют сформулированной позиции по данному вопросу. В процентном соотношении судьи оказались в ответе на данный вопрос еще более категоричны, чем граждане, зачастую даже не имеющие юридического образования.

Потребность в таких ограничениях в современных условиях начинает все возрастать, что в свою очередь вынуждает говорить о втором факторе, обуславливающем саму постановку вопроса необходимости разработки иных мер уголовно-правового характера именно с такой функциональной принадлежностью. Речь идёт об основаниях их включения в УК РФ с позиции обстоятельств, объясняющих необходимость дополнительной охраны интересов Российской Федерации средствами исключительного и экстраординарного характера. И здесь нельзя не обратить внимание на события, происходящие на уровне геополитического пространства начиная с 2014 года, которые при этом напрямую связаны с Российской Федерацией. Не вдаваясь в подробности общеполитических моментов, можно лишь констатировать факт вовлечённости России в происходящие процессы, масштабность которых не вызывает сомнений. Более того, уголовный законодатель активно реагирует на такие изменения, причём зачастую быстро и максимально жёстко. Так, М. В. Бавсун пишет по этому поводу следующее: «В период с 2012 по 2015 г. отечественным законодателем в УК РФ, по сути, было внесено беспрецедентное количество изменений, направленных на увеличение объема репрессии за преступления против основ конституционного строя и государственной власти. В указанный отрезок времени, в результате правотворческой деятельности, в нормы, предусмотренные гл. 30 УК РФ, было внесено 20 поправок. Начиная с 1996 года (с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации) по 2011 г. включительно, законодатель в общей сложности 18 раз корректировал данную главу. То есть в период, в пять раз превышающий рассматриваемый, законодательная активность в данном направлении была несоизмеримо ниже. И если в последние три года те или иные изменения в главу, регламентирующую ответственность за посягательства на основы конституционного строя, вносились в среднем порядка семи раз в год, то до этого момента активность правотворца равнялась 1,15 изменений в год.

Из этого следует неизбежный вывод о произошедшей трансформации подхода законодателя к правовой регламентации целого ряда аспектов ответственности за посягательства на

³ Опрос проводился в период 2021–2022 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

данную группу общественных отношений. И эта трансформация не может быть объяснима с позиции лишь внутривнутриполитических изменений или изменений экономического, социального, а равно иного свойства. Крайне важную роль в проявленной активности законодателя сыграли как раз факторы геополитического характера, возникновение которых пришлось именно на рассматриваемый период — начиная с 2011 г. и завершая годом 2015-м» [1].

Чуть ранее об этом писала Н. А. Лопашенко, которая отметила, что история последних месяцев продемонстрировала нам наличие такого фактора, оказывающего влияние на уголовно-правовое воздействие, как изменение международной обстановки [8]. Вторит ей в этом отношении и Е. В. Кобзева, совершенно справедливо утверждая, что «угроза нарушения национальных интересов в результате преступной деятельности не менее, а иногда и более опасна, чем при совершении преступлений внутри страны» [6]. Следует отметить, что, несмотря на датирование указанных работ 2014–2015 гг., тем не менее высказанные в них идеи сегодня не только не потеряли своей актуальности, а наоборот, многократно её усилили на фоне событий, происходящих уже в 2020–2022 гг.

Современное геополитическое пространство, и роль России в происходящих в нём тектонических сдвигах в последние годы такова, что данный фактор стал все больше выступать в качестве прямого основания принимаемых решений на государственном уровне, в том числе и в части трансформации уголовного законодательства. Соответственно, и международный фактор, включая в чистом виде его внешнеполитическую составляющую, в ходе корректирования уголовно-правовой политики государства с последующим совершенствованием отечественного уголовного законодательства не может оставаться недооценённым [1, с. 484].

Соответственно основания для разработки системы мер иного воздействия, направленных на ограничение прав и свобод лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации, в последнее десятилетие стали носить всё более объективный (в данном случае внешний) характер. Это вполне естественно, так как доминирование внешнеполитического фактора оказывает серьёзное влияние на все сферы деятельности государства, в том числе влияя и на уголовно-правовую сферу регулирования общественных отношений. Изменение политической конъюнктуры, агрессивность настроений в отношении России, попытки международной изоляции, элементы поддержки (включая её открытые и откровенные формы, в том числе и в публичной сфере) внутри страны, а также ряд других факторов свидетельствуют о серьёзных изменениях принципиального свойства, которые произошли и продолжают происходить в нашем обществе. И если ещё до 2012 года (до событий, произошедших на Болотной площади в Москве) говорить о данной проблематике не приходилось, прежде всего из-за отсутствия

к этому достаточных предпосылок, то сейчас о данном способе защиты государства от подобного рода процессов не вести речь уже опасно. Игнорирование проблемы становится опасным для государства в целом, расшатывание устоев которого, как показывает история, в таких условиях происходит очень быстро и эффективно. И в этом отношении уголовно-правовая сфера регулирования наряду с административно-правовой оказываются максимально чуткими, способными быстро реагировать на трансформацию происходящих процессов и купировать их негативные тенденции. Безусловно, особое место с позиции реализации именно жёсткости (непримиримости и бескомпромиссности) самой идеи введения особых ограничений прав и законных интересов лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации, должно отводиться уголовному законодательству. Особенно это важно потому, что указанная сфера правового регулирования общественных отношений имеет конечный характер (пик карательного давления, возмездия за совершённое общественно опасное деяние) и способна объединить в своём содержании по сути любые, в том числе и максимально жёсткие, а иногда и откровенно ситуативные и в некоторой степени экстремальные средства воздействия на виновных.

В то же время все авторы, обращая внимание на данную проблематику, находятся в плоскости исследования. Особенной части уголовного закона, не задаваясь вопросом относительно реальной возможности усиления в этом направлении и соответствующих институтов Общей части. Как известно, подобное возможно как раз за счёт трансформации двух составляющих, одна из которых связана с увеличением карательного потенциала Уголовного кодекса (наказания), а другая с реализацией потенциала иных мер уголовно-правового характера в максимально широком представлении о таковых⁴.

И в этом отношении, с учётом сложившейся геополитической обстановки и возникших в связи с этим угроз для России, предложение о включении в УК РФ дополнительных средств воздействия целевого характера в отношении отмеченной категории виновных имеет под собой все соответствующие основания. С учётом приведённых выше данных эмпирического характера относительно оснований разработки и включения в УК РФ мер подобного рода сам факт постановки проблемы каких-либо сомнений вызывать не может, требуя дальнейшей научной реализации.

⁴ См. об этом более подробно: Бавсун М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия. В кн.: Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. I. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. – Кн. I. Понятие уголовного наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. – Москва: Юрлитформ, 2020. – С. 369.

Список литературы

1. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 483–493.
2. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография – Омск: Омская академия МВД России, 2014. – 248 с.
3. Гребёнкин Ф. Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера / Системность в уголовном праве : материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – Москва: Проспект, 2007. – С. 125–127.
4. Иногамова-Хегай Л. В. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции. – Москва: Проспект, 2013. – С. 197.
5. Есаков Г. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А. И. Рарога. – Москва: Проспект, 2012. – 228 с.
6. Кобзева Е. В. Об уголовной политике (под влиянием научных взглядов Н. А. Лопашенко) // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 3. – С. 20–28.
7. Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 51–58.
8. Лопашенко Н. А. Изменение уголовно-правового воздействия и его влияния на меняющийся мир (в качестве постановки проблемы) // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 3. – С. 13–19.
9. Музенник А. К. Дифференциация уголовной ответственности: формы и виды. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2005. – С. 6–7.
10. Непомнящая Т. В. Наказание и меры уголовно-правового характера в системе мер противодействия преступности / Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Российского Конгресса уголовного права. – Москва: Проспект, 2008. – С. 86–87.
11. Нечепуренко А. А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования : монография – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – 176 с.
12. Пунигов А. С. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, виды, общая характеристика: монография. – Владимир, 2007. – 188 с.
13. Щедрин Н. В., Терещенко А. И. Меры безопасности в уголовном законодательстве России и некоторых европейских стран / Правовая реформа и зарубежный опыт : сборник научных статей. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 2000. – С. 102–123.
14. Щедрин Н. В. Меры уголовно-правового характера / Актуальные проблемы уголовного права. – Омск, 2010. – С. 66–67.

References

1. Bavsun M. V. Vliyaniye faktorov geopoliticheskogo kharaktera na izmeneniye ugotovno-pravovoy politiki gosudarstva // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – № 3. – S. 483–493.
2. Bavsun M. V. Ugotovno-pravovoye vozdeystviye: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii : monografiya – Омск: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2014. – 248 s.
3. Grebonkin F. B. Ponyatiye, priznaki i vidy inykh mer ugotovno-pravovogo kharaktera / Sistemnost' v ugotovnom prave : materialy II Rossiyskogo Kongressa ugotovnogo prava, sostoyavshegosya 31 maya – 1 iyunya 2007 g. – Moskva: Prospekt, 2007. – S. 125–127.
4. Inogamova-Khegay L. V. Ugotovnaya otvetstvennost' i inyye mery ugotovno-pravovogo kharaktera / Ugotovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: Prospekt, 2013. – S. 197.
5. Yesakov G. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Chuchayev A. I. Ugotovno-pravovoye vozdeystviye: monografiya / pod red. A. I. Raroga. – Moskva: Prospekt, 2012. – 228 s.
6. Kobzeva Ye. V. Ob ugotovnoy politike (pod vliyaniem nauchnykh vzglyadov N. A. Lopashenko) // Biblioteka ugotovnogo prava i kriminologii. – 2014. – № 3. – S. 20–28.
7. Kelina S. G. Nakazaniye i inyye mery ugotovno-pravovogo kharaktera // Gosudarstvo i pravo. – 2007. – № 6. – S. 51–58.
8. Lopashenko N. A. Izmeneniye ugotovno-pravovogo vozdeystviya i yego vliyaniya na menyayushchiysya mir (v kachestve postanovki problemy) // Biblioteka ugotovnogo prava i kriminologii. – 2014. – № 3. – S. 13–19.
9. Muzenik A. K. Differentsiatsiya ugotovnoy otvetstvennosti: formy i vidy. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. – S. 6–7.
10. Nepomnyashchaya T. V. Nakazaniye i mery ugotovno-pravovogo kharaktera v sisteme mer protivodeystviya prestupnosti / Protivodeystviye prestupnosti: ugotovno-pravovyye, kriminologicheskiye i ugotovno-ispolnitel'nyye aspekty : materialy III Rossiyskogo Kongressa ugotovnogo prava. – Moskva: Prospekt, 2008. – S. 86–87.
11. Nepochurenko A. A. Ugotovnaya otvetstvennost': evolyutsiya ponyatiya i perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya : monografiya – Омск: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2014. – 176 s.
12. Punigov A. S. Inyye mery ugotovno-pravovogo kharaktera: ponyatiye, vidy, obshchaya kharakteristika : monografiya – Vladimir, 2007. – 188 s.
13. Shchedrin N. V., Tereshchenko A. I. Mery bezopasnosti v ugotovnom zakonodatel'stve Rossii i nekotorykh yevropeyskikh stran / Pravovaya reforma i zarubezhnyy opyt : sbornik nauchnykh statey. – Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 2000. – S. 102–123.
14. Shchedrin N. V. Mery ugotovno-pravovogo kharaktera / Aktual'nyye problemy ugotovnogo prava. – Омск, 2010. – S. 66–67.

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted June 28, 2022; approved after reviewing July 29, 2022; accepted for publication September 07, 2022.